

Цинь Цзычу нестерпимо захотелось съязвить: «С какой стати мне выходить по первому твоему требованию? Это же ниже моего достоинства!» Однако глупцом он не был и прекрасно понимал, что сейчас не время для дерзости.

Бросив быстрый взгляд на Чжан Ли, он беззвучно покачал головой.

Осторожно поцеловав маленького Ин Чжэна в лоб, Цзычу передал его на руки слуге, а сам протиснулся наружу, навстречу разгневанному красавцу.

В повозке находились только они с Чжан Ли. Этот холёный вельможа и без того невзлюбил Цзычу, так что впутывать слугу не имело смысла — лучше принять удар на себя. Если они оба настроят против себя вэйское посольство, дальнейший путь превратится в сущий кошмар.

Стоило Цзычу выбраться из повозки, как перед глазами сверкнула холодная сталь. Раздался резкий свист, и остриё клинка упёрлось ему прямо в горло. Холодное лезвие едва заметно укололо кожу у самого кадыка, оставив тонкую, ноющую царапину.

На красивом, но искажённом гневом лице Лунъян-цзюня мелькнула злая усмешка. Он слегка подал клинок вперёд, заставив Цзычу невольно отступить на полшага.

— Я слышал, изнутри тебя называли «гунцзы», — процедил Лунъян-цзюнь. — Кто ты такой? Красные одежды... Неужели из царства Чу?

Но тут же сам оборвал себя, прищурившись:

— Нет, выговор не чуский. Скорее уж... ты из Чжао?

На лбу вельможи пролегла глубокая складка, а во взгляде, устремлённом на Цзычу, гнев уступил место недоумению.

Цзычу сообразил, что это отличный шанс обвести собеседника вокруг пальца. Вот только в хитросплетениях политики Эпохи Сражающихся царств он разбирался из рук вон плохо. Были ли у нынешнего правителя Чжао братья, он понятия не имел. Единственное имя, которое вертелось на языке — Пинъюань-цзюнь, дядя чжаоского вана. И знал-то он о нём лишь потому, что Чжан Ли когда-то служил у того советником.

Мысленно досадуя на упущенную возможность, Цзычу продолжал стоять неподвижно, сохраняя ледяное спокойствие и предоставляя Лунъян-цзюню самому теряться в догадках.

Но у Чжан Ли не выдержали нервы.

Он прожил в Чжао достаточно долго и прекрасно знал, что Цзычу — лишь заложник,

брошенный на произвол судьбы собственным отцом, циньским принцем. Связей у циньского заложника в чужой стране почти не было. Его шаткое положение держалось исключительно на золоте Люй Бувэя, который не пожалел огромных денег, чтобы подкупить сестру госпожи Хуаян и брата царицы, убедив их принять сторону Цзычу. Только благодаря этой сложной паутине интриг и взаимной выгоде молодой человек вообще обрёл хоть какую-то поддержку.

Разве мог Чжан Ли позволить своему господину в одиночку расхлёбывать эту кашу?

С замиранием сердца он покосился на маленького Ин Чжэна, но всё же решил оставить его в укрытии повозки.

Выбравшись наружу, Чжан Ли заслонил собой Цзычу и повалился в ноги знатному гостю, упираясь лбом в дорожную пыль:

— Смилуйтесь, господин Лунъян! Заклинаю вас, умерьте гнев! Этот гунцзы — сын почтенного Пинъюань-цзюня и единокровный брат Шаоюань-цзюня. Нашим царствам, Вэй и Чжао, суждено быть вечными союзниками и родичами. Всем известно, что родная сестра Синьлин-цзюня — супруга Пинъюань-цзюня. И пускай наш гунцзы рождён от наложницы, он с малых лет воспитывался под крылом госпожи. Прошу вас, не судите его строго за юношескую опрометчивость и дерзкие речи!

В этой лжи крупинцы правды искусно мешались с вымыслом. Пинъюань-цзюнь, прославленный на всю Поднебесную благородный муж, действительно содержал огромный гарем, а его законная супруга славилась кротким нравом и никогда не притесняла детей от наложниц. Сторонний человек, услышав подобное объяснение, ни на миг не усомнился бы в его правдивости.

Но Цзычу обладал столь редкой, изысканной красотой, что Лунъян-цзюнь невольно заколебался, задетый смутным сомнением.

Лунъян-цзюнь уже бывал в Чжао с посольскими миссиями. К тому же, пользуясь безграничной милостью вэйского вана, он часто делил с ним ложе, а мужчины в такие минуты редко держат язык за зубами. Из этих спальных разговоров вельможа узнал немало грязных тайн и слухов обо всех знатных домах Поднебесной.

Ему и самому доводилось встречаться с Пинъюань-цзюнем. Логика подсказывала: женщина, способная родить столь прекрасного юношу, должна была обладать поистине пленительной красотой. Но почему же вэйский ван ни разу не упоминал о такой жемчужине в гареме своего соседа?

Недоверие сквозило в каждом движении Лунъян-цзюня, пока он вновь оглядывал Цзычу пристальным взглядом. Поняв намёк Чжан Ли, тот расправил плечи, придав лицу безмятежное выражение, и встретил этот взор прямо и открыто, без тени страха.

Если этот юноша действительно принадлежал к семье чжаоского вельможи, связанного родством с вэйским престолом, выказывать ему столь явное пренебрежение было крайне неразумно. Как бы ни сомневался Лунъян-цзюнь, зацепиться в оправданиях слуги ему было не за что.

Раздражённо цыкнув, Лунъян-цзюнь одарил Цзычу гневным взглядом и изящным, отточенным движением убрал меч обратно в ножны.

Цзычу, наблюдая за ним, невольно улыбнулся, вспомнив, как Чжан Ли описывал этого человека. Лунъян-цзюнь явно привык рубить с плеча, выказывая свои симпатии и антипатии без малейшей утайки. Где тут хвалёная придворная гибкость и увёртливость?

Искры веселья в глазах Цзычу не укрылись от его внимания. Вскипев от новой волны негодования, вельможа резко выкрикнул:

— Чего скалишься?!

— Дорожные тяготы кажутся ничем, когда на пути встречается такая редкая красота, как у господина Лунъяна. Как тут не радоваться? — с неизменной мягкой улыбкой парировал Цзычу.

Лицо Лунъян-цзюня мгновенно побледнело, краска гнева сбежала с его щек, оставив лишь мертвенную бледность. Будучи фаворитом вэйского правителя, он болезненно воспринимал любые намёки на свою изнеженность и терпеть не мог, когда мужчины восхваляли его смазливую внешность.

Однако расстановка сил в Вэй и Чжао различалась. Если вэйский ван панически боялся своего брата Синьлин-цзюня, то чжаоский правитель, напротив, во всем полагался на дядю Пинъюань-цзюня. Ради успеха посольской миссии Лунъян-цзюню приходилось сдерживать себя — ссориться со столь влиятельным семейством сейчас никак нельзя.

Сделав над собой усилие, вэйский посланник взял себя в руки, восстанавливая привычное самообладание. Крепко сжав кулаки, он процедил сквозь зубы:

— Премного благодарен за похвалу, гунцзы.

С этими словами он поспешно отступил назад, скрываясь среди охраны и челяди.

Только теперь Цзычу понял, что его шутка прозвучала бестактно и оскорбительно. Он сокрушённо поджал губы, отыскал взглядом прячущегося в тылу отряда Лунъян-цзюня и, сложив руки перед грудью, отвесил ему глубокий, искренний поклон:

— Чувства между людьми не подчиняются мещанским толкам и пересудам. Вы в совершенстве владеете мечом и ведёте тонкую дипломатическую игру между государствами. Стоит ли

обращать внимание на брызжущую ядом толпу? Ваших собственных талантов и ума с лихвой хватит, чтобы идти по жизни с гордо поднятой головой.

Тот презрительно фыркнул, однако напряжение, сковавшее его плечи, заметно спало.

Возглавлял посольство приглашённый генерал Синьюань Янь. Будучи сторонником мира с Цинь, он скептически относился к идее коалиции между Вэй и Чжао. Вся эта поездка затевалась лишь ради того, чтобы мягко, но твёрдо отказать чжаоскому правителю в военной помощи, не навлекая при этом на себя его гнева. Отказывать тоже следовало умеючи — вэйский ван вовсе не желал наживать себе врага в лице соседа.

Видя, что буря миновала, а «гунцзы из Чжао» и любимец вэйского вана нашли общий язык, Синьюань Янь облегчённо выдохнул. Случись худшее, и вспыльчивый Лунъян-цзюнь действительно прикончил бы отпрыска Пиньюань-цзюня, о мирных отношениях между царствами можно было бы забыть навсегда.

Синьюань Янь с доброжелательной улыбкой шагнул вперёд и вежливо поклонился:

— Позвольте узнать, как величать благородного гунцзы?

Цзычу радушно улыбнулся в ответ и совершил приветственный ритуал:

— Моя покойная матушка была родом из Чу, оттого и нарекла меня Цзычу. А с кем имею честь беседовать я?

— Моё имя — Синьюань Янь, я служу кэ цзяньцзюнем при дворе Вэй. Каковы ваши дальнейшие планы, гунцзы? Если наши пути сходятся, предлагаю ехать вместе. В дороге веселее, да и от лихих людей уберёмся, — предложил военачальник, решив прощупать почву.

Сопровождаемый лишь Чжан Ли и горсткой слуг, Цзычу походил на беспечного праздного гуляку. Начнись на дорогах настоящая смута, их маленький отряд перебили бы в мгновение ока. Другое дело — хорошо вооружённый вэйский конвой.

Циньская армия, свирепая, будто стая голодных волков, уже стояла у ворот Чжао. В самом Ханьдане наверняка царил паника. Если бы этот гунцзы рвался поскорее вернуться в столицу, это бы означало, что её дни сочтены. Тогда Синьюань Янь немедленно отправил бы весть своему государю с предупреждением ни в коем случае не вмешиваться в войну. Если же чжаоский аристократ никуда не торопился и продолжал развлекаться поездками, значит, старый генерал Лянь По крепко держал оборону, и вэйцы могли безбоязненно затягивать переговоры, выгадывая время.

Цзычу мечтательно прищурился, на его губах заиграла лёгкая, слегка отрешённая улыбка. Изобразив на лице печаль, он тихо вздохнул:

— Моей матушке так и не суждено было вернуться на родину, хотя она тосковала по ней до последних дней. Теперь, когда я вырос, я решил исполнить её мечту. Мой путь лежит на юг, в цветущие земли Чу. Хочу своими глазами увидеть края, о которых она так много рассказывала.

Синьюань Янь проявил деликатность и не стал беречь раны расспросами о том, почему отец-вельможа спровадил бастарда на все четыре стороны вместо того, чтобы выхлопотать гунцзы тёплое местечко при дворе. С вежливым сожалением он развёл руками:

— Как жаль, нам не по пути.

— Полно вам, генерал, не стоит печалиться, — непринуждённо улыбнулся Цзычу, решив подлить сладкой лести. — В землях Вэй царит такой образцовый порядок, что мне, скромному путнику, бояться совершенно нечего. Ваш великий правитель воистину мудр, раз сумел так благословить свой народ.

Синьюань Янь пользовался безграничным доверием вэйского вана, а притаившийся позади Лунъян-цзюнь и вовсе был его возлюбленным. Разумеется, столь наглый, но приятный комплимент их повелителю польстил обоим куда сильнее, нежели похвала их собственным заслугам. Лица обоих вэйцев просветлели от гордости, и отношение к случайному спутнику потеплело ещё больше.

Пока стороны расточали друг другу любезности, Чжан Ли улучил подходящий момент и вмешался в разговор:

— Господа обременены важными государственными делами, тогда как наш молодой хозяин волен ехать куда глаза глядят. Не будем же утомлять вас своим присутствием и задерживать посольский поезд.

Цзычу согласно кивнул и снова прижал ладонь к кулаку:

— Позвольте пожелать вам лёгкой дороги и благополучного завершения дел.

Синьюань Янь поджимали сроки, и тратить время на пустую болтовню с праздным юнцом, держащим путь в противоположную сторону, он больше не мог. Немного поколебавшись, генерал принял решение и с улыбкой кивнул:

— Берегите себя в пути, гунцзы Цзычу. Прощайте.

Цзычу приветливо махал им вслед, пока вэйский отряд не скрылся за поворотом дороги в клубах пыли. Лишь тогда он позволил себе облегчённо выдохнуть и торопливо запрыгнул обратно в душное нутро повозки.

Оставшийся в одиночестве Ин Чжэн едва находил себе место от беспокойства. Цзычу не умел

постоять за себя и не справился бы даже с разбойником с большой дороги, а мастерство Лунъян-цзюня во владении мечом гремело на все Семь царств. Если бы вспыльчивый вельможа пожелал расправиться со случайным встречным, Цзычу пал бы замертво от первого же удара. Мысль об этом не давала мальчику покоя. Он места себе не находил от тревоги, усугублявшейся тем, что разговор снаружи происходил слишком далеко от повозки, и до его слуха долетал лишь невнятный гул голосов.

Едва занавеска приподнялась и в проёме показался Цзычу, Ин Чжэн вцепился в него жадным, ищущим взглядом, безмолвно проверяя, цел ли тот.

Первым делом Цзычу сгрёб малыша в охапку и уткнулся носом в его крошечную шею, вдыхая родной, успокаивающий запах тёплого молока. Только теперь напряжение последних минут наконец покинуло его тело.

— А-Чжэн, если бы ты знал, как у меня ушла душа в пятки, когда этот безумец приставил мне сталь к горлу, — шипло прошептал Цзычу. На его губах проступила горькая усмешка. — До этого дня я и не задумывался, какой я, в сущности, беспомощный. Ни в дворцовом этикете толком не смыслю, ни мечом махать не умею... Кругом никчёмный человек.

Ин Чжэн впервые слышал, чтобы его опекун говорил столь упавшим, глухим голосом. Ему показалось, будто он приоткрыл потаённую дверцу в израненную душу этого человека. Эта нечаянная близость отозвалась в груди странным, тёплым трепетом, но вслед за ней пришла необъяснимая досада — видеть Цзычу сломленным было невыносимо.

«Я должен вернуть ему уверенность», — мелькнуло в мыслях у Ин Чжэна.

«Для Нас нет ничего невозможного. Если Мы пожелаем — он уверует в свои силы»

Малыш неуклюже повернул голову и легонько ткнулся губами в его щеку, подражая ласкам самого Цзычу. Но тот был слишком раздавлен осознанием собственной слабости перед грозным противником. Он лишь крепче прижал ребёнка к груди и застыл в углу повозки, погрузившись в мрачное молчание.

Подобное уныние быстро вывело Ин Чжэна из себя.

«Взрослый мужчина предаётся пустой тоске и упивается жалостью к себе! Недостойное, жалкое зрелище!»

Мальчик сердито приоткрыл рот и изо всей силы укусил Цзычу за щеку.

— А-а-ай! — взвыл тот от неожиданности и боли.

Потирая горящую щеку, Цзычу ошеломлённо уставился на младенца. Но стоило первому шоку

от мысли «меня укусил будущий император!» утихнуть, как уныние испарилось без следа. Он разразился звонким, искренним смехом и шутливо ущипнул Ин Чжэна за пухлую щечку:

— Ах ты, маленький негодник! Мне и так худо, а ты ещё и зубы распускаешь!

<http://bllate.org/book/18277/1750298>